

Нежная скрипка Пикайзена

В этом году выдающийся скрипач отмечает сразу три юбилея: 70-летие, 60-летие концертной деятельности и 45-летие работы в Московской филармонии. Отмечает, как и положено музыканту, на сцене, со своим неизменным Страдивари в руках...

- Виктор Александрович, какие эпизоды вспоминаются в эти юбилейные дни?

- Жизнь подарила мне встречи с выдающимися людьми. Конечно, одно из ярчайших событий моей жизни - первая встреча с Давидом Ойстрахом. Весной 1941 года он гастролировал в Киеве, и я, тогда совсем юный скрипач, упрямил родителей-музыкантов, которые были с ним знакомы, повести меня на его репетицию и сольный концерт. А в 1944 году, возвращаясь из эвакуации проездом через Москву, папа позвонил Ойстраху и попросил послушать меня. Как сейчас помню, играл концерты Венявского и Чайковского, а было мне 11 лет. Давид Федорович, улыбувшись, сказал: «А что же ты будешь играть, когда вырастешь?» Он собрал художественный совет консерваторских профессоров, и они дали мне хороший отзыв. Через два года я приехал с концертами - в декабре 1946 года впервые выступил в Зале имени Чайковского. Учился в Гнесинке у Давида Федоровича, затем - у него же в консерватории и аспирантуре. Потом был у него ассистентом...

- Сейчас часто говорят о том, что у нас умирает скрипичная школа, нет ярких педагогов. А каким педагогом был Ойстрах?

- Это был в первую очередь великий человек, а не только непревзойденный скрипач и выдающийся педагог. Он за что ни брался - все делал первоклассно. Даже вот и в шахматы играл изрядно. Таких людей не может быть много. Вообще мое поколение училось, когда работали люди разных эпох. Гольденвейзер, Игумнов еще помнили Чайковского и Рахманинова. Какими прекрасными педагогами были Оборин, Кнушевицкий, Нейгауз! Сейчас, мне кажется, у педагогов превалирует меркантильность. И не только у нас - во всем мире. Нельзя преподавать от и до, поглядывая на часы. Ойстрах, хоть и много ездил за рубеж, но принципиально не давал мастер-классов, частных уроков. Он говорил: «Надо учиться в Московской консерватории».

- То было поколение бесребреников!

- Безусловно. На первом месте - искусство. Ни с кого Ойстрах копейки не взял. Но объема работы, которую он делал, на четверых бы хватило. Ведь он и концертничал до последнего, и дирижировал. Однако всегда добросовестнейшим образом занимался со студентами. А у него большое сердце было. Ушел из жизни на гастролях в Голландии, на другой день после концерта.

- Не считите вопрос обидным. Исполнение музыки - еще и физический тяжелый труд. Но музыканты, по-моему, на пенсию не спешат. Ойстрах играл почти до 70...

- Если музыкант ведет разгульный образ жизни, надолго его не хватит. Дело совсем не в возрасте - в призвании! Артур Рубинштейн до 93 лет играл, Пабло Казальс - до 96. Да, это трудная работа, но для меня она как воздух. Рано встаю и работаю, пока не устану. Концерты, конечно, требуют немалых сил. За последние три года по линии филармонии я сыграл большой цикл «Развитие скрипичного концерта» - 27 крупных произведений. Это делали Ойстрах, Коган, Ростропович, но в более молодые годы. Например, я играл еще одну труднейшую программу - «24 каприса Паганини» - 76 раз! Обычно это делают один-два раза. Думаю, что главное - хорошая школа, то, что заложено учителями, и первую очередь - Ойстрахом. Его

школа - это не только техника. Он учил еще чувствовать музыку.

- А строгий был, ругал когда-нибудь!

- Критиковал. Но никогда не обижал. Он же был на редкость добродушный человек. И с безупречным чувством юмора.

- 60 лет вы на сцене. Хватает ли вам музыки? Наверное, столько просто не написано, сколько вы могли сыграть за эти годы.

- Скрипка в этом смысле счастливый инструмент. Я не очень люблю крайний модерн. Не люблю аутентичную манеру исполнения. Признаю классику. Моя религия - пять имен: Бах, Моцарт, Бетховен, Шуберт, Чайковский. Они неисчерпаемы. Их музыка - ключ ко всей музыке вообще. Но я играл много и других композиторов, в частности, XX век - Бартока, Стравинского, Шостаковича, современных композиторов...

- На юбилейном концерте вы как-то удивительно нежно играли Вивальди...

- Также замечательный композитор, демократичный. Но нет в нем баховской глубины, хотя сам Бах его ценил. Вивальди, кстати, был совершенно забыт. К середине 50-х годов XX века о нем вспомнили, а до того был школьный, учебный композитор. У нас его возродили. Рудольф Баршай со своим камерным оркестром много Вивальди играл.

- А мода на композиторов бывает!

- По-моему, нет. Бах тоже ведь был забыт почти на век. И только в 1829 году Мендельсон «откопал» «Страсти по Матфею». Бетховен и Чайковский были признаны гениями при жизни, и их никогда музыканты не забывают. О Моцарте и говорить нечего. Мода это или нет? Думаю, музыка не подвержена ее влиянию.

- А как вы считаете, есть смысл писать еще музыку? Ведь лучше уже не напишут...

- Вы правы и не правы. Проведем аналогию с другими искусствами. Что же, после Микеланджело и Шекспира все должно было остановиться? С другой стороны, можно вспомнить слова Толстого: «Если можете не писать - не пишите». Творчество - вещь неуправляемая. Личности творческие появляются и хотя самовыражаются. Только вот когда появится композитор, равный Шостаковичу? Вопрос...

- Вы были лауреатом Первого конкурса имени Чайковского. А что можете сказать о последнем конкурсе?

- Я слушал только заключительный концерт. Сказать, что кто-то на меня произвел впечатление, не могу. Удивило, что неплохой молодой скрипач Борис Бровцын даже не попал в финал. После этого я был в жюри швейцарского скрипичного конкурса, и он там получил первую премию. Вспоминаю прежние конкурсы и вижу, как упал уровень его участников. Их, скажем, близко нельзя поставить рядом с Третьяковым, Кремером, Исакадзе, Фудзикавой. И тут, конечно, опять все упирается в школу. Какие горизонты открывала нам и тем, кто помладше, консерваторская профессура в годы учебы! Равных этим людям сейчас нет, и не только у нас, но и в мире. Мы уже об этом говорили. Были великопепные школы - французская, бельгийская. Да и у нас они были разными: помимо московской - ленинградская, армянская, грузинская. Хорошие педагоги были во Львове и Риге. Вот это многообразие и давало яркую картину. Давид Федорович не сравнивал себя с кем-то, он просто работал, как считал нуж-

ным, и добивался результата. Мне близки слова Генриха Густавовича Нейгауза: «Педагог должен сделать так, чтобы он не был нужен ученику». Стараюсь работать в том, старом, ключе, как нас учили. У меня были и есть хорошие ученики - лауреаты многих конкурсов, успешные музыканты. Сейчас почему-то педагоги не раскрывают своих тайн до конца. Например, аппликатуру не пишут - это секрет. Вот издание каприсов Паганини, которое вышло на Тайване. Даю подробное описание, рекомендации. Этого сейчас почему-то никто не делает. А Ойстрах делал...

- Вы и сейчас учите какие-то новые произведения?

- Да, учу. Хочу сыграть концерт памяти жертв Холокоста австрийского композитора Амадеуса Хартмана. 21 марта в Зале Чайковского впервые сыграю шесть прелюдий.

- Часто выступаете в Москве!

- Главным образом - здесь. Трудновато стало ездить на гастроли. Я ведь преподаю в Музыкальном институте имени Шнитке. Издательской работой занимаюсь. Скоро выйдут мои редакции сонат Баха для скрипки-соло, шесть сонат Изаи, концерты Моцарта и Баха. Для концертов Моцарта кадденци сочинил.

- Любите московскую публику!

- Она замечательная. Сколько играю - зал всегда полон. Все московские залы люблю, но больше всего свой первый - Зал Чайковского. И Рихтер его любил, и Ойстрах.

- У меня ощущение, что вы очень нежно относитесь не только к своей скрипке, но и к публике.

- Скорее с уважением. Из музыки нельзя делать шоу. Как, например, Ванесса Мэй. Не хочу, чтобы наша музыкальная молодежь шла по этому пути.

- Мемуары не пишете!

- Нет. Я больше люблю читать. Сейчас Достоевского читаю. Впрямую на музыку он вроде бы не влияет, но без таких духовных вершин ни жить, ни заниматься искусством невозможно. Для музыканта очень важно общее развитие личности, кругозор. Сейчас в музыкальных вузах никто не требует от студентов повышать свой культурный уровень, но потом это обязательно скажется. Получится не музыкант, а ремесленник. Всегда показываю ученикам репродукции картин великих художников. Вспомним великих артистов. Рихтер был прекрасным художником. Ойстрах вообще был гармонически развитым человеком. Как он знал литературу! Нейгауз был философом, знал пять языков. Крейслер, Менухин, Стерн были широко образованными людьми. Я знал несколько очень одаренных людей, из которых ничего не вышло, потому что были сосредоточены только на технике. Поэтому я против вундеркиндома. Если из талантливого ребенка в результате не вырастает выдающийся музыкант, а так, как правило, и происходит, - получается ущербная личность.

- Вы своей жизнью довольны!

- Грех жаловаться. Семейная жизнь сложилась очень счастлива, а это, безусловно, способствует творческому долголетию. Мы с Ириной Владимировной много лет вместе, а познакомились еще в Гнесинке. Она пианистка, но ради меня и дочери сосредоточилась на семье, занималась с внуком. Скоро в Японию вместе поедем преподавать. Моя дочь Татьяна - пианистка, работает в Америке. А внук Игорь - скрипач, учится в знаменитой Манхэттенской школе. Собираемся к ним съездить - юбилей отметить и там.

Беседу вела
Ирина ШВЕДОВА
Фото Дмитрия ФЕКАИСОВА.